

УДК 331.55
ББК 65.240.7

Регион: экономика и социология, 2012, № 3 (75), с. 3–18

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ОКРУГА НА МИГРАЦИОННОЙ КАРТЕ РОССИИ

Ж.А. Зайончковская

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН

Аннотация

Сделан вывод, что экономика России в перспективе будет функционировать в условиях резких колебаний предложения рабочей силы. Повышение пенсионного возраста мало что дает в плане рынка труда и может быть мотивировано дефицитом пенсионного фонда, но не запросом рынка труда. Без увеличения миграционного компонента невозможно остановить процесс депопуляции в стране. Россия способна привлечь необходимое количество иммигрантов. Неурегулированность правового положения значительной их части отражается в большей мере на качестве потока, на степени его легитимности, чем на его величине. Сохранение западного вектора и центростремительности миграционного движения можно считать устойчивой тенденцией всей перспективы. Демографический кризис и, в частности, миграция как его составляющая будут усиливать поляризацию территории России в отношении экономического развития и сжатие заселенного пространства не только по направлению восток – запад, но и по линии центр – периферия внутри всех регионов.

Ключевые слова: рабочая сила, потребность, источники покрытия, мигранты, правовое положение мигрантов, вектор движения мигрантов

Abstract

In our opinion, the Russian economy may experience the sudden changes in labor supply in future. A labor market could yield not much if a governmental decision on higher permissive retirement age, motivated by a deficit of the Russian Pension Fund but not a higher labor demand, is approved. It is obviously that to suspend depopulation in the country would be possible only by a higher migration component, and Russia could attract a necessary number of immigrants. However, both an ineffective governmental policy in relation to a legal immigrant status and illegal statuses of most immigrants impact the quality of a flow of immigrants and a share of legal immigrants rather than a size of the flow. A further western orientation of the migration and its centripetal character could be regarded as a long-standing trend. A demographic crisis and in particular its component – migration, could stronger polarize the Russian territory economically, as well as inhabited areas of Russia within all regions could shrink not only in the east to west direction, but also from peripheries to centers.

Keywords: labor forces, demand, sources of finance, migrants, legal status of migrant, vector of migration

В связи с кризисной демографической ситуацией в России миграция в перспективе приобретает стратегическое значение для страны как источник дополнительной рабочей силы и, что не менее важно, как геополитический ресурс, способствующий росту населения и укреплению позиций России в мире.

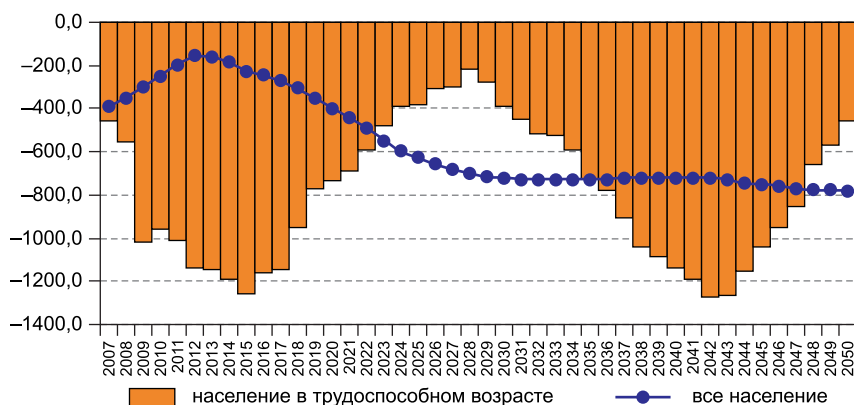
Согласно вариантному прогнозу Росстата 2010 г., численность населения России на 2030 г. варьирует от 127 млн чел. по низкому варианту до 130 млн – по среднему и до 148 млн – по высокому против 142 млн чел. на начало 2011 г. Низкий вариант предполагает дальнейшее падение рождаемости (особенно драматичное в 2010–2020 гг.), по сути, стагнацию средней продолжительности жизни, снижение миграционного прироста. Средний вариант, принимаемый в расчетах, предполагает умеренный рост рождаемости, а также увеличение средней продолжительности жизни, хотя и в этом случае ее уровень остается очень низким по сравнению с развитыми странами. Численность населения в среднем варианте превосходит этот показатель в низком

варианте на 9 млн чел. в 2025 г. и на 12 млн чел. в 2030 г. Однако увеличение миграционного прироста до 400 тыс. чел. в год (против 250 тыс. чел. в год в 2007–2009 гг. и 160 тыс. чел. в год в 2010–2011 гг.) даже при весьма оптимистичных параметрах естественного движения недостаточно для преодоления нисходящей популяционной тенденции. К 2030 г. население сокращается на 3 млн чел. Высокий вариант соответствует официально утвержденной Концепции демографической политики, в которой поставлена задача обеспечить рост населения страны в условиях умеренной иммиграции. Задача эта практически невыполнима. Обеспечение даже незначительного увеличения населения страны при сдерживании роста иммиграции требует повышения коэффициента суммарной рождаемости на одну треть и продления средней продолжительности жизни на 6 лет против экстраполяционного варианта.

Таким образом, *без увеличения миграционной составляющей невозможно остановить процесс депопуляции в стране.*

Заметим, что Россия – единственная из крупных стран, которая соглашается с долговременной тенденцией сокращения численности населения. Согласно прогнозу Евростата 2010 г., в Евросоюзе до 2030 г. предусматривается пусть и небольшой, но непрерывный рост населения – на 4,1%, а начало нисходящего тренда отнесено за пределы 2040 г., при этом «спуск» предполагается крайне замедленным – на 1% до 2050 г. Чтобы держать на таком уровне популяционную планку, Евросоюзу до середины века потребуется принять до 100 млн мигрантов [1]. Из крупных стран Евросоюза только Германия прогнозирует нисходящий тренд в численности населения уже с настоящего времени (убыль на 14% до 2050 г., в том числе на 2,4% до 2030 г.). Проектировки США гораздо амбициознее. Эта страна намерена и дальше удерживать высокие темпы роста населения, увеличив его на 30% до середины века. Для этого потребуется привлекать по 1 млн мигрантов ежегодно.

Наиболее серьезный демографический вызов экономике связан с сокращением численности населения в трудоспособном возрасте, начавшимся в 2007 г. и стремительно набирающим темп. За период

Ожидаемая динамика численности населения России в трудоспособном возрасте, тыс. чел. в год

2011–2030 гг. трудовозрастной контингент в современных границах трудоспособности, согласно среднему варианту прогноза Росстата, сократится на 11 млн чел., при том что около 4 млн чел. естественных потерь предполагается возместить за счет миграции.

Ситуация очень сильно осложняется крайней неравномерностью естественной динамики трудоспособного населения (см. рисунок*). В рассматриваемой перспективе максимальная убыль придется на 2011–2015 гг. – 5 млн чел. (5,7%). Наибольшей она ожидается в 2015 г. – 1,2 млн чел. Начиная с 2019 г. ожидается улучшение ситуации. Хотя убыль трудовозрастных контингентов продолжится: в 2020–2030 гг. против 2010–2020 гг. она будет в 2 раза меньше по низкому варианту и чуть ли не в 5 раз – по среднему варианту при условии увеличения нетто-миграции до 400 тыс. чел. в год и заметного улучшения пара-

* Использован прогноз Института демографии ГУ-ВШЭ. Это средний вариант естественного движения населения (суммарный коэффициент рождаемости к 2025 г. составит 1,59, к 2050 – 1,81; средняя продолжительность жизни у мужчин – 65,6 и 70,1 года соответственно, у женщин – 77 лет и 79,5 года соответственно) в сочетании с низким вариантом миграционного прироста (в 2025 г. – 160 тыс. чел., в 2050 г. – 110 тыс. чел.). Из-за чрезвычайно низкой миграции диаграмма практически показывает динамику естественного прироста трудовозрастных когорт.

метров естественного воспроизводства населения. В целом убыль трудового потенциала страны просматривается до середины века. Особенно драматичной выглядит ситуация во второй половине 2030-х и в 2040-е годы.

Отсюда следует, что ***экономика России в предстоящей перспективе должна будет функционировать в условиях резких, и притом очень быстрых, колебаний предложения рабочей силы.*** Это определяет необходимость выработки гибкой системы управления рынком труда, которую можно было бы быстро корректировать. Заметим, что сокращение трудового потенциала в перспективе до 2030 г. не зависит от уровня рождаемости, так как молодые люди, которые выйдут в это время на рынок труда, уже родились.

Естественно возникает вопрос: может ли экономика страны успешно развиваться в условиях сжимающегося предложения труда только за счет роста его производительности? Ответ на этот вопрос необходим для прогноза миграции, и здесь полезно посмотреть на опыт развитых стран.

Опыт стран, которые находятся далеко впереди России по уровню экономического развития и разрыв с которыми наша страна хотела бы сократить, показывает, что это едва ли возможно. По крайней мере, среди развитых стран пока нет таких, где бы рост экономики происходил при систематически сокращающейся занятости. В этом отношении показателен опыт стран ЕС. Несмотря на то что эти страны по душевой норме ВВП опережают Россию в 2,5 раза, они, тем не менее, продолжают наращивать занятость (табл. 1). Следовательно, ***западные модели экономического роста демонстрируют необходимость восполнения дефицита предложения труда, вызванного демографическим спадом.***

Но возможно, Россия обойдется без иммиграции, а мобилизует внутренние резервы? Ведь всем известно, что труд у нас используется не очень интенсивно.

Страны ЕС, для которых характерен аналогичный трудоресурсный провал, повышают пенсионный возраст. Процесс идет по двум линиям: выравнивания возраста выхода на пенсию для мужчин и жен-

Таблица 1

Рост занятости и экономическое развитие в России и развитых странах

Страна	Прирост занятых, млн чел.		ВВП по ППС на душу, 2009, ЕС = 100%
	2001–2005	2008/2007	
Россия	4,8	0,6	43
ЕС (27 стран)	3,9	1,0	100
Германия	–0,8	1,4	116
Франция	2,9	0,5	107
Испания	1,7	–0,5	103
Италия	5,9	0,3	104
Англия	4,6	0,1	112

щин и повышения возраста выхода на пенсию. Несмотря на то что пенсионный возраст в России относительно низкий, его повышение и выравнивание по полу почти не влияют на трудоресурсную ситуацию в перспективе [2]. Эта мера могла бы существенно улучшить ситуацию в 2008–2011 гг., но данный период пришелся в основном на кризис, и убыль трудоспособного населения, напротив, смягчила напор рабочей силы на рынок труда.

Следовательно, **повышение пенсионного возраста мало что дает с позиций рынка труда и может быть мотивировано дефицитом пенсионного фонда, но не запросом рынка труда.** Тем более, что уровень занятости российских пенсионеров благодаря возможности получать и пенсию, и зарплату весьма высок. В течение первых четырех лет после выхода на пенсию работают около 40% мужчин и почти половина женщин, в следующие 5–9 лет работают около четверти как мужчин, так и женщин. В возрастах от 60–64 лет (мужчины) и 55–64 лет (женщины) в начале 2026 г. будут находиться 12 млн чел. При хорошей экономической конъюнктуре пенсионеры способны быстро отозваться на запрос рынка труда.

По оценке Института социальной политики, совокупная величина внутренних резервов (включая помимо занятости пенсионеров повы-

шение занятости молодежи, инвалидов, молодых матерей) может компенсировать около половины потерь трудовозрастных когорт в рассматриваемой перспективе. Вторая половина может быть восполнена только за счет иммиграции.

Оценка масштабов необходимой иммиграции в период до 2030 г. осуществлена нами исходя из следующих посылок:

- необходимо полное возмещение естественной убыли трудовозрастного населения;
- половина этой убыли может быть восполнена за счет привлечения внутренних ресурсов труда;
- доля трудоспособного населения среди мигрантов составляет 70%, что соответствует российской специфике последних лет, но выше, чем в прогнозе Росстата.

При этих ограничениях необходимая иммиграция в период 2011–2030 гг. достигает 12 млн чел., что на 2 млн чел. больше, чем по высокому варианту прогноза Росстата.

На фоне фактического присутствия мигрантов в настоящее время в стране полученная величина не выглядит пугающей. Общее число мигрантов, единовременно находящихся в России, до кризиса 2009 г. на пике летнего сезона экспертно оценивалось в 7–8 млн чел. со снижением до 5–6 млн чел. зимой, что в 2–3 раза превышает легитимную миграцию. Это свидетельствует о большом спросе национального рынка труда на иностранную рабочую силу даже в то время, когда максимум убыли трудовых ресурсов еще не наступил. Кроме того, это говорит о высокой абсорбционной способности экономики страны. С учетом нелегальной составляющей доля иностранных работников в численности занятых равна примерно 10%, что сопоставимо, например, с показателем Германии (9,4% в 2007 г.).

Таким образом, очевидно, что *Россия способна привлечь необходимое количество иммигрантов. Неурегулированность правового положения значительной их части отражается в большей мере на качестве потока, на степени его легитимности, чем на его величине.*

После распада СССР произошло более чем двукратное снижение внутренней мобильности населения России. В 2000-е годы меняли место жительства внутри страны около 2 млн чел., или 1,4% населения, в год против 3,3% в 1989 г. Такое снижение является следствием ряда причин, среди которых самое важное значение имеет изменившаяся после крушения СССР практика обеспечения населения жильем. Это резко сократило возможности переселения семей и в результате привело к замещению миграции на постоянное место жительства временной трудовой миграцией, т.е. отходничеством, которое, согласно нашим оценкам, достигает примерно 3 млн чел. в год. Таким образом, в действительности россияне довольно отзывчивы на изменение социальных условий, и их мобильность не столь низка, как может показаться, если исходить только из данных официальной статистики. Это дает основания для прогнозной гипотезы о постепенном восстановлении статистически фиксируемого уровня внутренней миграционной мобильности россиян. Такому восстановлению будет способствовать быстрое увеличение возможностей выбора работы.

Устойчивыми тенденциями в современной внутренней миграции населения России являются доминирование западного вектора движения и ярко выраженная центростремительность миграций, магнитом для которых является Московская агломерация [3].

Западный миграционный дрейф обозначился уже в 1960-е годы. Баланс миграционного обмена по вектору запад – восток обнаружил тесную связь с трудоресурсной ситуацией по стране в целом. Чем хуже трудоресурсная ситуация в стране и чем, соответственно, лучше конъюнктура на рынке труда в самых привлекательных регионах, тем интенсивнее переток населения с востока на запад. И наоборот, высокая трудоресурсная волна повышала ценность рабочего места и создавала хорошие предпосылки для миграции на восток. После распада СССР западный перенос и центростремительность миграций проявились особенно ярко. Население устремилось туда, где меньше ощущался развал экономики, быстрее развивался рынок и легче было найти заработок. Перспективная демографическая ситуация еще более будет способствовать западному дрейфу.

Традиционно наиболее трудодефицитным регионом России считается Дальний Восток. Но это представление ошибочно, сколь бы очевидным оно ни казалось. Более тяжелая демографическая ситуация имеет место как раз в староосвоенной части страны, а самая тяжелая – в Центральном федеральном округе. Здесь естественная убыль населения относительно самая высокая (5,75 чел. на 1000 жителей против 1 чел. на Дальнем Востоке в 2008 г.), население самое старое (в пенсионном возрасте 23,9% населения против 17,1% соответственно), а сокращение трудоспособного населения принимает тоже относительно самые значительные размеры. Именно Центр, наиболее развитый регион страны, соперничает с Дальним Востоком, и не только с ним, за трудовые ресурсы. Центр нуждается в постоянной демографической подпитке, главным образом для возмещения естественной убыли своего трудоспособного населения.

Именно потому, что за трудовые ресурсы не только с Дальним Востоком, но и со всеми другими федеральными округами соперничает наиболее развитый округ страны, *нереально надеяться на возрождение восточного вектора миграции в условиях кризисной демографической ситуации*. Устойчивость западного переноса присуща всему постсоветскому периоду, а возрастающий дефицит предложения на рынке труда не позволяет ожидать слома данного тренда.

В большинстве случаев потери регионов от внутренней миграции были компенсированы притоком из стран СНГ. По мере того как миграция из стран СНГ сокращалась, привлекательность центра России проявлялась все сильнее. В настоящее время приток в Центр хотя и снизился, но удерживается на довольно высоком уровне, в то время как миграционный прирост остальных округов приблизился к нулю. Уже два десятилетия как в России установилась новая поляризация миграционного пространства. Все территории Европейского Севера, Восточной Сибири и Дальнего Востока, за редким исключением, стали терять население.

Чем ниже миграционный прирост населения России, тем большая часть мигрантов концентрируется в Центральном федеральном округе. В 1991–1995 гг. этот округ впитал 36% положительной нетто-миг-

Таблица 2

Миграционный прирост населения по федеральным округам в 1991–2010 гг., тыс. чел.

Федеральный округ	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010
Россия	1981,1	1351,5	477,3	1087,5
Центральный	929,3	839,9	631,0	833,6
Северо-Западный	–35,2	57,0	55,5	120,2
Южный	772,2	187,0	30,5	106,3
Приволжский	758,0	407,7	8,7	57,6
Уральский	34,7	160,0	34,7	77,1
Сибирский	90,3	15,1	–144,2	–5,5
Дальневосточный	–568,2	–315,2	–138,9	–101,8

рации в стране, в следующем пятилетии – половину, в 2001–2005 гг. – 83%, в 2006–2010 гг. – 76,7% (табл. 2).

В последнее пятилетие миграционный баланс Сибири стал уравновешенным [4], а потери Дальнего Востока сократились в несколько раз. В условиях низкого прироста населения России за счет внешней миграции миграционный баланс всех федеральных округов, за исключением Центрального, остается близким к нулю, тогда как Центр продолжает получать почти столько же мигрантов, как в конце 1990-х годов. Все федеральные округа, кроме Центрального и, в небольших размерах, Северо-Западного, получают миграционный прирост только за счет переселенцев из постсоветских стран, тогда как в обмене с федеральными округами теряют население (табл. 3).

Масштабы западного дрейфа постепенно сокращаются, что выражается в снижении миграционной убыли восточных районов страны. Видимо, пик выезда был пройден в середине 1990-х годов, и это несмотря на открывшиеся новые возможности для переселения на запад вследствие сокращения иммиграции из стран СНГ и Балтии. Иммиграция в центральные районы все больше замещается временной трудовой миграцией, с одной стороны, а с другой стороны, истощаются

Таблица 3

**Миграционный прирост (убыль) за счет внешней и внутренней миграции
по федеральным округам в 1991–2010 гг., тыс. чел.**

Федеральный округ	1991–2000			2001–2010		
	Всего	Внешняя	Внутренняя	Всего	Внешняя	Внутренняя
Россия	3332,6	3332,6	0,0	1564,6	1564,6	0,0
Центральный	1769,2	1150,8	618,4	1464,6	620,7	843,9
Северо-Западный	21,8	170,4	-148,6	175,7	113,3	62,5
Южный	959,2	794,1	165,1	136,7	228,7	-92,0
Приволжский	1165,7	871,2	294,5	66,3	317,8	-251,5
Уральский	194,7	268,4	-73,7	111,8	152,7	-40,9
Сибирский	105,4	291,3	-185,9	-149,8	118,2	-268,0
Дальневосточный	-883,4	-213,6	-669,8	-240,7	13,3	-254,0

ресурсы восточных районов. Если судить по миграционной картине, можно сказать, что восток начинается уже с Волги.

Многие восточные районы, лежащие на пути дрейфа (например, Амурская область, Республика Бурятия, Иркутская область), потеряли возможность возмещать часть своих потерь из-за миграции в западные регионы за счет более восточных. Так, Амурская область и Бурятия стали чистыми донорами. Иркутская область компенсировала в 2001–2009 гг. менее 20% своих потерь за счет миграции с востока, тогда как в 1990-е годы – половину. Немногим лучше положение Красноярского края. Ослабление западного дрейфа привело к улучшению миграционного баланса регионов юга Сибири. Перестали терять население такие регионы, как Томская и Кемеровская области, сохранили положительный миграционный баланс Новосибирская и Свердловская области. Продолжают терять население северные территории. После всплеска в 1990-е годы размеры потерь сократились примерно в 2 раза и стабилизировались на уровне 40–50 тыс. чел. в год.

При условии сохранения современных тенденций в перспективе ни один из федеральных округов, кроме Центрального, не будет иметь шансов получить миграционный прирост населения. Только для компенсации естественных потерь трудоспособного населения, которые в Центральном округе относительно самые большие, ему необходимо около 6 млн мигрантов в период до 2030 г. При нынешних тенденциях для возмещения этих потерь потребуется мобилизация миграционного потенциала всей России. В таких условиях Сибирь и Дальний Восток рискуют и в последующем остаться главными донорами Центрального округа, как, впрочем, и при увеличении иммиграции до 400 тыс. чел. в год, как в среднем варианте прогноза Росстата.

Сохранение западного вектора и центростремительности миграционного движения можно считать устойчивой тенденцией всей перспективы. Этому будет способствовать и наиболее стремительная естественная убыль трудоспособного населения в Центральном федеральном округе по сравнению с другими округами. Естественные потери трудоспособных контингентов начиная с 2011 г. достигнут здесь против 27,4% в среднем по России.

Следующая гипотеза состоит в предположении, что ***притяжение Центра по отношению к внутренним мигрантам находится в обратном соотношении с величиной иммиграции: оно относительно тем больше, чем меньше иммиграция.***

Экстраполяционный вариант прогноза миграции провоцирует резкое усиление западного дрейфа, при том что потери Центра могут быть возмещены лишь наполовину. Такая жесткая ситуация сопряжена, во-первых, с дальнейшим увеличением доли Центра во внешней нетто-миграции и, во-вторых, со стягиванием Центром внутренних мигрантов из всех без исключения округов. При таких условиях на некоторый, незначительный миграционный прирост, который может быть обеспечен внешней миграцией, могут рассчитывать Северо-Запад (за счет Санкт-Петербурга и Ленинградской области), Юг (в основном за счет Краснодарского края), Приволжье (за счет Самарской области и Татарстана), но величина прироста у этих регионов не сравнима с соответствующим показателем Центра. Чистые же потери Сибири и Дальнего Востока во внутренней миграции могут возрасти до

1,5 млн чел. Данный сценарий катастрофичен для страны, его с полным основанием можно назвать предостерегающим прогнозом. Иммиграция, способная заместить лишь малую толику (около 20%) потерь собственного трудового потенциала, не может обеспечить развитие всех регионов России, при том что и регион, обладающий наибольшим потенциалом, тоже будет обречен развиваться в условиях острого дефицита труда.

Чтобы заместить половину естественной убыли трудоспособного населения, необходимо около 12 млн мигрантов за период 2011–2030 гг. При этом потребность Центра во внутренних мигрантах сокращается почти в 2 раза, и, соответственно, возможности пополнения населения других округов внешними мигрантами резко возрастают. В изменившейся ситуации центростремительные тенденции значительно ослабляются, но не исчезают.

Уровень замещения естественных потерь трудоворесурсного потенциала и при такой иммиграции в других федеральных округах останется довольно низким. Только в Южном округе он может достичь 60%, на Северо-Западе, в Приволжье и на Урале доля замещения варьирует в пределах 30–40%, но Сибирь и Дальний Восток могут рассчитывать на еще меньшее замещение, и то после 2020 г.

Таким образом, и при 50%-й замещающей иммиграции рынок труда в стране остается чрезвычайно напряженным.

Средний вариант, хотя и предполагает почти удвоение миграционного прироста России по сравнению с низким вариантом, в целом тоже может быть оценен как весьма недостаточный. Он обеспечивает восполнение убыли трудоспособного населения в Центральном федеральном округе немногим более чем наполовину. Кроме того, надо принять во внимание возможный эффект от реализации программы переселения соотечественников, благодаря которому ожидается увеличение притока населения в регионы, пограничные со странами СНГ, что позволит несколько ослабить центростремительный эффект.

Итак, даже 12-миллионный приток населения не может обеспечить необходимое наполнение рынка труда во всех регионах России. На относительно благоприятные условия могут рассчитывать лишь регионы, обладающие наибольшим потенциалом роста. Следовательно

но, демографический кризис и, в частности, миграция как его составляющая будут работать на усиление поляризации территории России в отношении экономического развития и сжатия заселенного пространства не только по направлению восток – запад, но и по линии центр – периферия внутри всех регионов.

В то же время не стоит слишком драматизировать складывающуюся обстановку. Географическое положение России по соседству с азиатскими странами с быстро растущим населением, с одной стороны, и ее способность принять миллионы мигрантов, избегая при этом крупных социальных конфликтов, – с другой, скорее всего позволяя России принять то количество мигрантов, которое будет востребовано экономикой.

Главные миграционные партнеры России – страны СНГ. Они обеспечивают весь прирост населения страны в постоянной миграции и три четверти потока временной трудовой миграции. При этом быстро нарастает вклад Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Их доля в постоянной миграции приближается к 40%, а в трудовом потоке превышает половину.

Средняя Азия на ближайшую перспективу является единственным регионом в СНГ, способным увеличить миграцию в Россию, преимущественно за счет Узбекистана, который уже обеспечивает 30% трудовой миграции в нашу страну. По оценкам, миграционный потенциал Средней Азии составляет 5–6 млн чел., главным образом это население титульных этносов. Хотя Россия уверенно может рассчитывать на среднеазиатские страны в рассматриваемой перспективе, их ресурсов будет недостаточно для полного замещения возникающего дефицита.

Роль Украины, в культурном отношении очень близкой страны и в 1990-е годы главного нашего миграционного донора, быстро падает – как в постоянной, так и в трудовой миграции. Сейчас ее доля в трудовом потоке составляет 8–9%. Рассчитывать на Украину как весомый источник рабочей силы для России не приходится, так как демографическая ситуация в этой стране еще более острая, чем у нас.

В связи с выходом Средней Азии на роль главного миграционного донора, а также в связи с тем, что большая часть мигрантов, прибывших из этого региона, заняты неквалифицированным трудом, рабочая

сила из Средней Азии общественностью оценивается как малообразованная и неквалифицированная. Факты не подтверждают это мнение. Например, среди прибывших из Таджикистана в 2010 г. было 18,6% лиц с высшим образованием, 25,4% – со средним специальным и 43,4% – со средним общим. Дело скорее в том, что Россия пока не может использовать этот потенциал как из-за отсутствия должной информации на рынке труда, так и из-за несоответствия квалификации мигрантов российским требованиям.

Шансы привлечь готовые квалифицированные кадры у России крайне ограничены, поскольку глобальный рынок квалифицированного труда очень конкурентный, и наша страна на нем – аутсайдер. Альтернативой данной ситуации может быть подготовка квалифицированных работников на месте, в самой России, в том числе и на базе мигрантов из Средней Азии, большая часть которых имеют общее среднее образование.

Среди стран, не входящих в СНГ, первую позицию в миграции в России удерживают китайцы. В 2009 г. у нас работало 270 тыс. китайцев, 97,5 тыс. вьетнамцев, 37,7 тыс. северных корейцев. Несмотря на то что численность китайских трудовых мигрантов по сравнению с 2005 г. увеличилась в 1,7 раза, их доля среди иностранных работников сильно сократилась – с 20,8% в 2005 г. до 12,1% в 2009 г. Рост китайской миграции сдерживается натиском таджиков и узбеков, но Китай устойчиво удерживает третье место.

Роль Китая как миграционного донора России в перспективе будет неизбежно возрастать. Ясно, что у России нет шансов привлечь в массовом порядке мигрантов из западных и восточных стран Европы. Мы можем рассчитывать на восточно-азиатские страны и даже проводить определенную селективную политику на этом миграционном поле, но у китайцев как непосредственных наших соседей здесь нет конкурентов.

* * *

Назрела настоятельная необходимость кардинального изменения миграционной политики. Следует разработать дифференцированный

подход к разным целевым группам мигрантов, открыть более доступные и широкие каналы натурализации, упростить процедуры правового оформления мигрантов, прежде всего процедуру их трудоустройства, «оторвать» получение гражданства от наличия регистрации по постоянному месту жительства и т.д. Надо также решительно включаться в международную конкуренцию за рабочую силу, иначе мы рискуем еще более обострить свое положение. Особого подхода и разработки специальной масштабной программы требует профессиональная подготовка мигрантов. Надежды на привлечение необходимого контингента в нужном количестве тщетны. Из стран СНГ квалифицированная рабочая сила выехала в Россию еще в 1990-е годы, когда у себя она не была востребована из-за обвала экономики. Профессиональная подготовка трудовых мигрантов из СНГ, особенно из стран Средней Азии, как уже говорилось, не соответствует российским требованиям. По моему убеждению, профессиональную подготовку мигрантов необходимо осуществлять в самой России.

Без миграции у России нет будущего, она стала стратегическим фактором развития страны. И чем быстрее общество это осознает, тем легче нам будет удовлетворить спрос на рынке труда.

Литература

1. **Чавушоглу М.** Права человека не имеют границ // Миграция XXI век. – 2011. – № 1 (4). – С. 5.
2. **Дроздов А.** Повышение пенсионного возраста дает копеечный эффект // Известия. – 2012. – 1 июня.
3. **Шитова Ю.Ю., Шитов Ю.А.** Анализ маятниковой трудовой миграции (на примере Московской области) // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 4. – С. 119–137.
4. **Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.** Современные риски в формировании демографического потенциала Сибири // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 4. – С. 98–115.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 02.06.2012 г.

© Зайончковская Ж.А., 2012